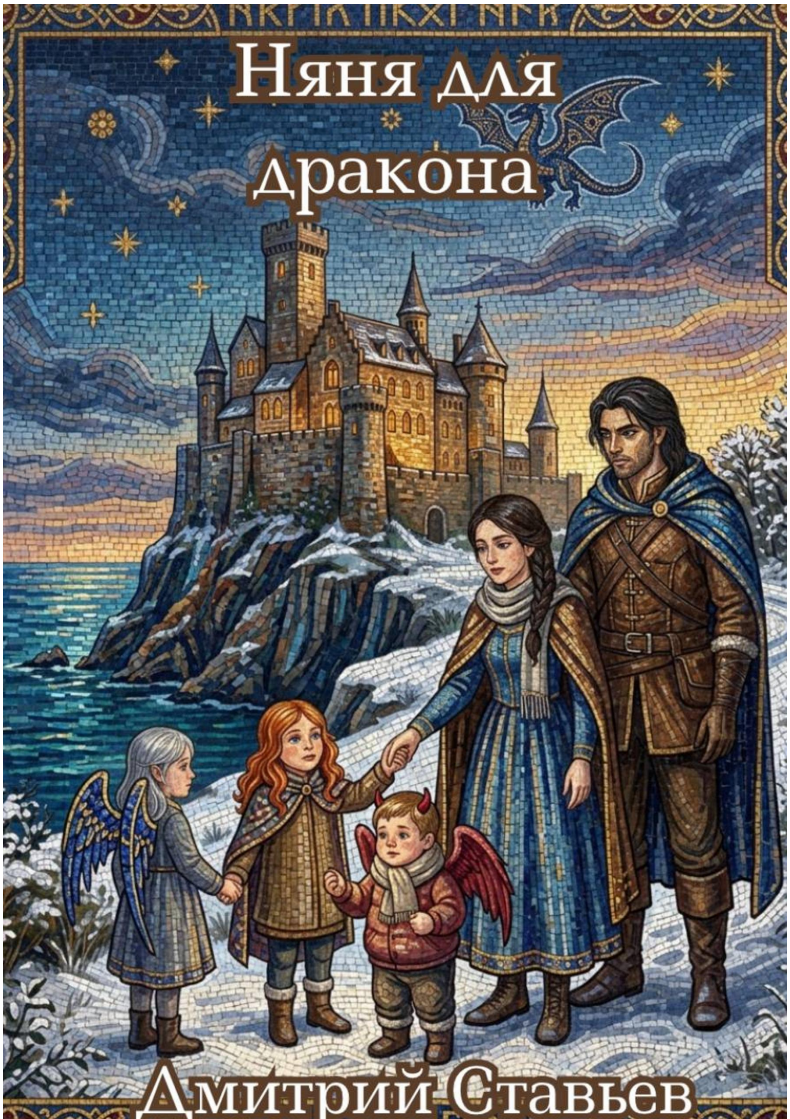

Няня для дракона
Дмитрий Ставьев

Дмитрий Дмитрий
Няня для дракона

https://litres.ru/74706392
SelfPub; 2026

Аннотация

Воспитательница детского сада Полина Мельникова упала с табуретки на утреннике и очнулась на холодном полу детской в замке Серый Утёс, в теле гувернантки Милены Ворс. Перед ней трое пятилетних тройняшек с огненным характером: рыжая Искра, голодный Топ и молчаливая Мышка. До неё в замке сменилось пять нянь, и дети честно предупреждают: «Ты следующая».

Хозяин замка, суровый лорд-дракон, не разговаривает с детьми и не называет им, что случилось с их матерью. А по ночам в коридорах поёт печальное привидение, от его песни дети вспыхивают, как свечи. У Полины нет магии и нет власти, зато есть режим дня, паровозик из верёвки и двадцать лет опыта с чужими детьми.

До испытания Совета осталось двадцать дней. Если дети не зажгут родовой очаг, их отправят в пансион, где у драконят отнимают огонь.

Сможет ли воспитательница из другого мира стать для троих сирот настоящей семьёй и узнать, кто на самом деле пугает их ночью?

Содержание

Глава первая. Табуретка 5
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Дмитрий
Няня для дракона

НЯНЯ ДЛЯ ДРАКОНА

Попаданка-нянька — книга первая

Дмитрий Ставьев

© Имя Автора, 2026. Все права защищены.

Все персонажи и события этой книги вымышлены. Любое сходство с реальными людьми, местами и событиями случайно.

Оглавление

Глава первая. Табуретка
Глава вторая. Хозяин замка
Глава третья. Режим дня
Глава четвёртая. Белая фигура
Глава пятая. Мука
Глава шестая. Тихий час
Глава седьмая. Мастер Лоум
Глава восьмая. Башня
Глава девятая. Оранжерея
Глава десятая. Двойное дно
Глава одиннадцатая. Письмо
Глава двенадцатая. Кража
Глава тринадцатая. Заседание
Глава четырнадцатая. Ночь Очага

Глава первая. Табуретка

— Полина Сергеевна, вы падаете!

Полина Сергеевна Мельникова ответила, что не падает, а просто слегка накренилась, и в этот момент табуретка под ней сделала то, что делают все табуретки на осенних утренниках: выбрала самый ответственный момент.

Гирлянда из бумажных листьев повисла на её руке. Сорок детей в костюмах ёжиков, лисичек и одного очень убедительного гриба выдохнули хором. Где-то в глубине зала завизжала заведующая. Полина успела подумать: «Надо было взять стремянку», потом пол приблизился, потолок отъехал, и в голове у неё громко и неприятно хлопнуло, как лопается воздушный шарик.

Темнота была тёплая, с запахом гуаши.

Потом запахло по-другому.

Дымом. Жжёной шерстью. Остывшей золой и чем-то горелым, сладковатым, вроде забытой на плите манной каши. Полина лежала на спине, на твёрдом, холодном, и под лопатками чувствовала каждую щель между плитами. Хотела сесть и обнаружила, что голова гудит, как трансформаторная будка.

— Она не шевелится, — произнёс над ней тонкий звонкий голос.

— Шевелится, — возразил другой, басистый и серьёзный.

— У неё пальцы шевелятся.

— Это не считается.

— Ням, — сказал третий голос, самый неопределённый, и что-то мягко чавкнуло.

Полина открыла глаза.

Над ней висели три лица. Первое, рыжее, веснушчатое, с вздёрнутым носом и глазами цвета горячего чая, принадлежало девочке лет пяти. Второе, круглое, румяное, с растрёпанным чубом, мальчику того же возраста, который что-то жевал. В руке у него был огарок восковой свечи. Третьего лица почти не было видно: из-под кровати торчал серый хвостик косы и половина бледной щеки.

— Здравствуйте, — сказала Полина. Это вылетело само, по привычке, как «будьте здоровы» после чиха.

— Здрасьте, — машинально ответили все трое.

— Я Полина Сергеевна, — продолжала она, садясь. Комната поплыла и вернулась. — А вы кто?

Девочка и мальчик переглянулись.

— Это новая, — сказала рыжая. — Совсем новая. Она даже не помнит.

— Я помню, — сказала Полина. — Вас, наверное, зовут... Нет, не помню.

— Искра, — рыжая ткнула себя пальцем в грудь. — Это Топ. Это Мышка, она под кроватью, она не разговаривает. Нам пять лет. Нам всем сразу. Мы тройняшки. Нам нельзя говорить про маму, а ты ничего не сказала, значит, пока не

уволили. Ты живая?

— Кажется, да.

— Жалко, — сказала Искра, подумала и добавила: — Нет, не жалко. Просто предыдущая вылезла через окно.

— Через окно?

— На втором этаже. Она на дереве повисла. Дядя Пелл её потом снимал.

Полина осмотрелась. Комната была большая, со сводчатым потолком, закопчённым над люстрой так, будто туда регулярно запускали салют. Три кровати у разных стен. Огромное окно в пол, из которого тянуло сквозняком и морем. Камин, в котором лежала горка свежей золы. Занавески обгорели по низу, как рваная юбка. Ковёр у двери зиял чёрным пятном величиной с обеденный стол. Обои над кроватью Искры покрылись копотью, и на копоти чьим-то пальцем была старательно нарисована рожица.

— Это вы? — Полина показала на рожицу.

— Это я, — гордо сказала Искра. — Углём.

— Хорошо получилось. А ковёр?

— Это я.

— Огнём?

— Ага. Нечаянно. Нет, нарочно. Но она заслужила.

— Кто?

— Предпредпредыдущая. Она сказала, что я «ужасный ребёнок».

Полина кивнула с видом человека, которому в первый

день сообщили самое главное. Ужасный ребёнок. Это слово она слышала в своей практике раз сто, и каждый раз оно означало одно: ребёнка никто не слушает. Она встала, придерживаясь за кроватный столбик, и тут обнаружила, что ей мешает не только голова. На ней было платье. Серое, глухое, с воротником под подбородок, с мелкими перламутровыми пуговицами по всей длине, с рукавами до запястий. Под ним корсет. Она никогда не носила корсета. Было такое ощущение, что её запаковали в футляр для виолончели.

— Топ, — сказала она, — а что у тебя во рту?

— Свеча, — ответил мальчик с достоинством.

— Свечи не едят.

— Я не ем. Я пробую.

— Давай-ка выплюнем.

— Она вкусная.

— Топ.

— Ладно. — Он вздохнул, как человек, у которого отняли последнюю радость, и выплюнул комочек воска себе в ладонь.

Что-то блеснуло на туалетном столике, у зеркала. Полина подошла, вглядываясь. В мутном стекле, обрамлённом позеленевшей бронзой, отразилась молодая женщина лет двадцати семи: тонкое бледное лицо, тёмные кудри, сколотые в строгий узел, но уже наполовину расплетённые, веснушки на переносице и огромные серые глаза, в которых застыл вопрос. Руки, выглянувшие из рукавов, были чужие, узкие,

с тонкими пальцами. На левом мизинце сидело серебряное колечко.

«Спокойно, — сказала себе Полина. — Сначала дети. Потом всё остальное».

Она всегда начинала с детей. Это было правило, которому её научила первая заведующая, ещё в девяносто девятом: если в группе пожар, потоп или землетрясение, сначала считай головы, потом ищи причину.

Она пересчитала головы. Три. Две стоят, одна под кроватью. Все живы. У одной из голов сейчас идёт дым.

— Искра, — спокойно сказала Полина. — У тебя что-то дымится.

— Где?

— На руке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.